

КШИШТОФ ЗАНУССИ
АЛЕКСАНДР КРАСОВИЦКИЙ

ИМПЕРАТИВ

Беседы в Лесках

Кшиштоф Занусси Александр Красовицкий Императив. Беседы в Лясах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38274186

*Императив. Беседы в Лясах / Кшиштоф Занусси, Александр Красовицкий; худож.-оформитель Е. Гугалова: Фолио; Харьков; 2018
ISBN 978-966-03-8267-1*

Аннотация

Кшиштоф Занусси (род. в 1939 г.) – выдающийся польский режиссер, сценарист и писатель, лауреат многих кинофестивалей, обладатель многочисленных призов, среди которых – премия им. Параджанова «За вклад в мировой кинематограф» Ереванского международного кинофестиваля (2005). В издательстве «Фолио» увидели свет книги К. Занусси «Час помирати» (2013), «Стратегії життя, або Як з'їсти тістечко і далі його мати» (2015), «Страта двійника» (2016). «Императив. Беседы в Лясах» – это не только воспоминания выдающегося режиссера о жизни и творчестве, о людях, с которыми он встречался, о важнейших событиях, свидетелем которых он был. Это философские размышления о судьбах Европы и мира, о сложных взаимоотношениях свободы и морали, религии и прогресса, о европейской христианской цивилизации и культуре и о неразрывной связи с ними Украины и украинского народа.

Содержание

История семьи и Польши	5
Переселение народов. Польша и Украина	13
Операция «Висла»	22
Восток – Запад. Культура, право	36
1945 год. Польша	43
Роль религии. Польша после 1945 года	46
Культура после 1945 года	57
Культура в 80-е, 90-е годы	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Кшиштоф Занусси

Императив.

Беседы в Лясках

Художник-оформитель *Е. Гугалова*

Фото из архива *К. Занусси*

История семьи и Польши

– Как история вашей семьи и семьи вашей жены связана с тем, насколько в Европе были перемешаны народы и семьи? Попытки создать моноэтнические государства начались фактически только с 1920-х годов в Европе. И поэтому дальше были Волынь, Висла, Данциг, Вильнюс, Бреслау, Щецин – было множество вопросов, которые стали трагедиями для семей и народов. Откуда ваша семья с такими корнями здесь, в Польше, и откуда семья вашей жены?

– Знаете, в те времена, в XIX веке, таких вопросов даже не возникало, потому что все большие державы были мультинациональными, особенно Австро-Венгрия – империя Габсбургов, где всегда были перемешаны нации, причем австрийцев было меньше, чем венгров, чехов.

– И австрийцы себя немцами не считали?

– Нет-нет, тогда еще не считали. Это произошло уже в XIX веке. Вообще, мне кажется, что это пришло от Наполеона, хотя он хотел создать общеевропейскую империю, которая в этом смысле повторила бы Римскую империю. Это

особенно ярко видно в искусстве его времени – в том, каким мы его видим на парадных портретах – там всегда император Римской империи проявляется. Но в результате после распада империи Наполеона оказалось, что появились новые идеи: уже не династия, а нация стала элементом нашей идентичности.

– Но в Польше нация стала идентичной раньше?

– Не до конца. Я думаю, что до падения Речи Посполитой¹ мы понимали, что это все-таки Речь Посполитая, и не так часто говорили «поляки», чаще – «человек из Короны» или из Литовского княжества. Мы сейчас вообще забыли, что была Корона, и нельзя все, что было тогда, называть Польшей, это была, повторяю, Речь Посполитая – понятие гораздо более широкое.

Мои предки, по линии отца, из северной Италии, из Венеции, где-то там мои корни. И в XIX веке, когда в 40-е годы началось массовое строительство *железных* дорог в Европе,

¹ Речь Посполитая {пол. Rzeczpospolita – республика) – федерация Королевства Польского и Великого княжества Литовского, возникшая в результате Люблинской унии в 1569 г. и ликвидированная в 1795 г. с разделом государства между Россией, Пруссией и Австрией. Располагалась преимущественно на территориях современных Польши, Украины, Белоруссии и Литвы, а также на части территории России, Латвии, Эстонии, Молдовы и Словакии. При наличии единого государственного устройства Королевство Польское и Великое княжество Литовское имели каждое свой собственный административный аппарат, казну, войско и законы. Главой государства являлся пожизненно избираемый сеймом монарх, носивший титул короля польского и великого князя литовского. Существовавший в Речи Посполитой специфический политический режим принято называть шляхетской демократией.

они сначала строили дорогу до Вены из Венеции, из Триеста, а потом продолжили ее через Краков до Львова. Это была первая большая железная дорога в этой части империи.

Хелена Невински-Занусси, бабушка К. Занусси

В тот период Венеция все еще входила в Австро-Венгрию. Вернее, она принадлежала даже не Австро-Венгрии, тогда это была Габсбургская империя. Австро-Венгрия началась с компромиссов уже в 50-е годы XIX века². Это было время восстаний разных наций: и венгры восстали, и было восстание, которое создало Бельгию на севере Европы. Все эти перемены XIX века были очень резкими переменами, но мои предки тогда просто передвигались по империи, не пересекая никаких границ.

² В 1804 году Франц II из династии Габсбургов на наследственных владениях своего рода провозгласил Австрийскую империю как противовес империи Наполеона. Спустя несколько десятилетий, в 1848 г., в Австрийской империи началась революция, также называемая «Весной народов». Активизировались национально-освободительные движения. До 1848 г. Австрийская империя сохраняла федеративный характер, но после подавления революций 1848–1849 гг. была преобразована в унитарное государство с абсолютной и ничем не ограниченной (конституция 1849 г. была отменена в апреле 1851 г.) центральной властью.

Отец, Ежи Занусси, и мама, Ванда Занусси

– И остались в Кракове?

– Нет, знаете, это такая профессия – люди железных дорог, – они всегда там, куда доходит железная дорога, так что дошли даже до Львова. А потом с опозданием почти на двадцать лет началось строительство железных дорог в России, и они просто двинулись строить и эту железную дорогу – из Варшавы в Петербург и дальше, как раньше из Вены в Варшаву.

– А кем они были? Руководили строительством?

– Все были строителями, инженерами, имели свои предприятия. А со стороны моей матери это были польские по-

мещики, которые потеряли все свои имения после восстания 1863 года. Мой дед родился уже в Сибири, его родители туда были сосланы. Они умерли, а он, как говорит семейное предание, вернулся пешком. Ссылали больше всего именно помещиков – они подняли восстание. И за это у прадеда было конфисковано имение и последовала ссылка. Есть такое семейное предание, что моя прабабушка успела призвать своего сына, чтобы он принял участие в восстании. Он успел присоединиться к уже проигранному восстанию, но было бы позором, если бы он в нем не участвовал. Если бы он опоздал на несколько дней, то уже не участвовал бы в восстании и имение осталось бы в руках семьи.

– А откуда она призвала его?

– Он в Париже учился. И вернулся в Польшу специально, чтобы успеть принять участие в последнем столкновении, о котором заранее было известно, что оно будет проиграно. Это очень польская история. Даже если это чуть-чуть придумано – таков архетип этого романтического проигранного восстания.

– Это история гордости.

– Конечно, там есть и гордость, но есть что-то от средних веков, знаете, в поляках сохранилась тоска за Крестовыми походами. Мы в них только чуть-чуть поучаствовали, но в это время оформился европейский менталитет, появились все эти ценности, которые до сих пор связаны с европейским, как бы это сказать, не мифом, нет, скорее – с архе-

типом: надо помогать более слабым, нельзя ударить лежащего. И, конечно, отношение к женщине – что ее на руках нужно носить. Скажем, в азиатской традиции ничего похожего нет. В Византии тоже этого уже не осталось. А в Европе то, что называется шевалье (рыцарь) – это был человек, который все соотносил со своей честью, и честь была самым главным, важнее всего было сохранить честь. Считалось, что рыцарь не может врать, если он врет, то теряет честь, а значит, уже недостоин быть рыцарем. И это было очень дорого, потому что только тот, кто мог себе позволить рыцарские латы – а они стоили огромных денег – и лошадь, считался полноценным рыцарем.

– А семья вашей жены?

– Семья моей жены – это еще более романтическая история, потому что, с одной стороны, по моей теще они русины, непосредственно из князей, викингов, которые основали Киевскую Русь, и они довольно поздно полонизировались.

– То есть из Рюриковичей?

– Да, от Торна, у нас дома генеалогическое древо висит – это, конечно, копия. Но это идет от Торна и идет до XVII века – это все ее предки, и там они были связаны с королями. Половина неправда, конечно. Тогда историки тоже работали, чтобы польстить своим, так сказать, инвесторам. Но это была семья, которая полонизировалась только в XVIII веке. Князья Четвертинские. В селе Четвертая у них была вотчина, у нас есть рисунки их замков. Святополк Четвертинский.

А вторая линия по моей теще – из Центральной Польши, в XVI веке они переселились в Винницу, там тогда была практически пустыня, никакого населения не было.

– Во времена королевы Боны Сфорца?

– Да, в ее времена. Они там поселились, построили замок, который должен был защищать эти земли в Виннице, он там до сих пор стоит. И там жили до 1917 года. Замойская – это была жена одного из них, ее семья была из Центральной Польши.

А в Виннице были Грохольские, до 1917 года. А в 1917-м пришла революция. Их всех изгнали. И все они уже никогда не вернулись туда, точнее, вернулись, только уже со мной, я жену первый раз привез в Винницу уже в период гласности, но даже тогда были трудности с этой поездкой.

Переселение народов. Польша и Украина

– Вот мы опять подошли к теме переселения народов. Украина, Белоруссия, Литва и Польша.

– Да. Но во Франции такое переселение тоже было, из Алжира, – почти три миллиона людей, которые поколениями там жили. Это для нас такая модель, потому что мы видим себя в Украине глазами французов, изгнанных из Северной Африки, особенно из Алжира, потому что это была земля, связанная с Францией со времен Римской империи. Так что они считали себя местными. Арабы туда тоже пришли, потому что в мире все куда-то переселялись. Это неправда, что мы тут были всегда.

С мамой, 1941 г.

– **Наверное, кроме китайцев.**

– Тоже неизвестно. Может быть, и они переселились из Атлантиды. Все двигались, переселялись. В Китае с Маньчжурией огромный вопрос – что это

было, чья это земля, кем были на самом деле монголы, которые сначала победили Китай, а потом уже Китай их поглотил. Победить монголов – надо иметь огромную хитрость, а им (китайцам) это удалось. Я только что там был, в Монголии, – удивительно, как они много об этом думают и как это для них живо. И какая огромная у них национальная гордость. Они создали самую большую империю в истории человечества, а потом в течение 100–150 лет все распалось. И сейчас их всего несколько миллионов. А ведь они стояли во главе Китая и с другой стороны доходили до Атлантического океана.

Мы гордимся в Польше, что монголы дошли только до Легницы³ в Силезии – это последнее место, куда они продвинулись и потом откатились назад. Мы считаем, что мы сначала освободились сами, а потом освободили и территорию нынешней Украины.

– Так все-таки Восточные Кресы?

– Да.

– Первый раз – 1917-й, второй – 1939 год. Катастрофа, которая произошла с польским населением. Сейчас некоторые в Польше считают это своими исто-

³ *Аегница* – город в Нижнесилезском воеводстве в Западной Польше. После поражения войска силезского князя Генриха II Благочестивого, сына св. Ядвиги и Генриха I, и гибели самого князя в битве с монголами 9 апреля 1241 г. на Легницком (Добром) поле город был осажден монголами, но не сдался, став последней точкой продвижения войск Батыя на Запад. В 1248 г. город стал столицей независимого Легницкого княжества.

рическими землями. Как проявляется интерес к этим землям – сочетается интерес исторический с интересом территориальным?

– Я думаю, что среди интеллигенции никакого сомнения нет, что на этих территориях мы проиграли нашу миссию. Мы ее не выполнили и поэтому проиграли. А получили от немцев земли, которые когда-то в средние века были частично заселены славянами. Это тоже все больше легенда, что это были славяне. Но мы на этих землях поселились и уже что-то построили. И поэтому я не вижу сейчас ничего, кроме сентиментальных поездок, я не считаю, что кто-то мечтает отвоевать Львов. Отвоевать Львов – это значит отдать Вроцлав, а мы во Вроцлав вложили очень много. И уже сейчас я таких настроений, чтобы отвоевать Восточные Кресы, не встречаю. А я все-таки со многими людьми встречаюсь. Ну, жаль, конечно, и мы сейчас задаем себе постоянно вопрос: где была ошибка? Это вопрос, который задают себе и литовцы. Они сами не смогли защитить те земли, которые они отвоевали, – это правда, это они отвоевали их у монголов, – но защитить их не были в состоянии, не могли.

– И Киев, и Смоленск.

– Да. Но, с другой стороны, не смогли защититься от немцев, от крестоносцев. И поэтому возникла эта уния Литвы с Коронай. Эту унию, конечно, возглавляли литовцы, а не поляки, в этническом смысле. Там династия была. И сколько их тогда приехало в Краков? Более того, мы, поляки, не лю-

бим этого признавать, но видно, что эти балты – а они были балтийским племенем – были лучше организованы, они более трудолюбивые. До сих пор мы видим, когда крестьянин славянин или литовец, то литовцы лучше все делают, чем поляки. Нас это раздражает, нам за это стыдно, мы думаем, как же это может быть, но это правда.

С отцом, 1941 г.

– Но тем не менее **300 лет** два народа жили вместе.

– Ну да, но надо сказать, что в эти 300 лет было самое хорошее время, когда литовцы доминировали, а мы об этом забываем. Но мне кажется, всем более или менее понятно,

что это должна была быть Речь Посполитая трех народов. И так она была названа. А третий народ – русинский, как мы вас называем, и мне кажется, что это красивое слово. Но русинов мы просто обманывали, мы не сдержали слова. Там были обещания, которых мы не выполнили. Мы – поляки и литовцы. Мы не дали казакам прав, чтобы они считали себя шляхтой. Это было привилегией. Хотя понятно, почему так случилось. У нас в Речи Посполитой было невероятное количество шляхты. Никогда в Европе не было ничего похожего.

– Наверное, только в Испании было.

– Но не такое количество, и потом, когда многие поехали в колонии, оно сразу снизилось. А у нас было около 14 % свободных людей, то есть шляхты. И страх, что если еще к этому присоединятся казаки, которые все были свободными...

Это означало, что будет вообще полное падение этого класса, что шляхта тогда потеряет все привилегии. С другой стороны, хотелось выдержать какой-то стандарт. Стандарт шляхтича в Польше – он очень смешной: надо было владеть латинским языком. Конечно, большинство им не владело. Но надо было знать хотя бы несколько пословиц на латинском, и тогда можно было делать вид, что владеешь латынью. Это легко. А второе – иметь в доме пол. Если у вас нет пола, значит, вы крестьянин. А если шляхтич – значит, вам надо положить пол – из дерева или из камня, из кирпича – как хотите. Но без пола вы не шляхтич. И третье, у шляхты это

был самый главный принцип: надо было иметь обувь. Если у вас нет обуви, вы не можете быть шляхтичем. В костел надо идти в обуви. И они часто несли единственную пару обуви в руках, чтобы не сносились.

– То есть обувь была у некоторых не столько для удобства, сколько для статуса?

– Для статуса. И еще одно было очень важным: до сих пор вы можете заметить – есть деревни, где половина деревни шляхта, половина – крестьяне. Я сам жил в такой разделенной надвое деревне. Так вот, крестьянские дети – они не смотрят в глаза чужим, а дети шляхты должны смотреть в глаза, их учат с детства: ты шляхтич, ты должен смотреть в глаза. Смешно.

– И сейчас в Польше потомки шляхтичей знают, что они потомки шляхтичей?

– Ну, это просто, потому что в именах это видно, в фамилиях. Вы сразу узнаете: если окончание на «...ски» – это значит из Короны, если на «...вич» – это из Литвы, но если «...ский» по названию большого города – это еврей. Значит, если кто-то носит фамилию Виленский, Львовский или Петербургский, Варшавский или Краковский, значит, он еврей. А если город небольшой – например, Тарновские – это уже аристократ. Хотя Тарновские были основатели этого города, так что не они фамилию от города получили, а наоборот – город получил название от их фамилии. Но это, конечно, все в прошлом. Однако снобизм в Польше был и остается

очень сильным, и люди очень любят считать себя потомками шляхты. Хотя еще более тонкий снобизм сейчас сказать: «Я во многих поколениях раб, крестьянин». Так говорят только изысканные интеллектуалы, чтобы обратить на себя внимание. А так – все шляхта. И на самом деле, если спросить поляков, то половина имела какие-то огромные имения в Украине. Но это все неправда, такого количества имений не было. Но им приятно так говорить.

С мамой

Операция «Висла»

– Волынь и операция «Висла» – что произошло? На Волыни проблемы были заложены в какие годы?

– Я думаю, что это веками тянулось.

– В XIV веке Волынь принадлежала Литве...

– Да, но Литва тогда соединилась с нами. И там, конечно, поселилось много поляков. И они местных людей во многом ограничивали – это то, что в фильме «Волынь» показано откровенно. Они не допускали, чтобы те богатели и чтобы имели права шляхты. И так было всегда. А потом в 1920-е годы очень неудачная политика Варшавы довела до того, что там уже была просто дискриминация местного населения – не разрешали покупать земли, невозможно было пробиться в администрацию, получить должность повыше, хотели, чтобы даже на почте, например, служили только этнические поляки. Армия, пограничники – поляки, их туда переселили. Но интересно, что Пилсудский сам был против этой политики, он хотел совсем другого решения, но ему это не удалось. Такими были политические тенденции в самой Польше. И оказывается, они были очень неудачны, они подготовили это

несчастное решение, которое потом принял Бандера. Но еще раньше, между войнами, возник украинский терроризм.

Терроризм – это когда меньшинство пробует добиться своих целей насилием. И это во всем мире так – в таких условиях появлялся терроризм. Убийство министра Перацкого – это было убийство человека, который искал компромисс. С этой точки зрения, мне кажется, плохая политика – доводить до конфликта, до более горячего противостояния. Ленин тоже говорил, что ненависть, как мотивация, сильнее любви. С другой стороны, что мне кажется очень интересным и об этом не надо забывать, великие русинские семьи, которые жили в Украине, уже в конце XIX века начали чувствовать, что что-то во всем этом есть фальшивое – они живут в польской культуре, а надо приблизиться к русинской культуре. И Шептицкие, и еще несколько семей, которые пошли на униатскую греко-католическую литургию, начали пользоваться украинским языком. Возникла идея, что так вырастет украинская элита. Но этого было слишком мало, слишком поздно, недостаточно глубоко и поэтому это не дало результата. Хочу сказать – и не только я так думаю, – что и Бандера выбрал неверную политику, и эти люди, хотя, может быть, изобрели и правильную политику, но слишком поздно и не в тех объемах, которые были нужны. Поэтому и не удалось помириться.

Петлюра же, на мой взгляд, был, насколько я знаю, может быть, самый надежный политик, но это было на предыду-

щем этапе истории. Я напомним, что был момент, когда Пилсудский извинялся перед ним за то, что не успел сохранить Украину. Но я также помню, что Пилсудский был против мнения большинства поляков: он хотел, чтобы существовала самостоятельная Украина, там, за Львовом, которая была бы в какой-то степени ассоциирована с Польшей. Но он хотел, чтобы Львов был чисто польским, как позже и случилось.

– Но чудо на Висле произошло благодаря тому, что как раз поляки и украинцы были вместе?

– Ну конечно. Это было великое счастье, к тому же немножко помогла Франция.

– Франция помогла опять же поляками?

Впервые в России. Сочи, 1958 г.

– Ну нет, де Голль⁴ тоже был тогда в Польше, и Вейган. Вейган – генерал, который, по легенде, был сыном Шарлотты Бельгийской, вдовы Максимилиана Габсбурга, императора Мексики. Но официально великий генерал Первой мировой войны Вейган считался сиротой.

– Польша смогла еще в 1920 году получить Киев, а потом...

– Ну да, но никто не говорил, что Киев – для Польши, говорилось, что это было сделано для будущей Украины. Но поляки надеялись, что будет Украина, которая снова согласится на какую-то ассоциацию с Речью Посполитой. Пусть и на каких-то новых условиях. Условия XVIII века были уже совсем не актуальны.

– Почему два народа – поляки и литовцы, – которые были все время вместе, даже в 1863-м, почему эти народы разошлись в 1919 году и произошла катастрофа?

– Там поднял голову, я не хочу сказать, что национализм, это звучит как критика, но что-то произошло, они дозрели до самостоятельности. Литвины очень сильно полонизировались, и это как в браке – нельзя сказать, что поляки что-то делали силой, потому что было наоборот: возглавляли Речь

⁴ *Шарль Андре Жозеф Мари де Голль* (1890–1970) – французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент Пятой республики (1959–1969).

Посполитую литовцы. Но польский язык был более развит в те времена. Польская культура была более богатой, и они полонизировались очень легко и глубоко. Были времена, когда людей, которые владели литовским, в Литве было очень мало. Но они хотели заново найти свою национальную идентичность. Возьмите Оскара Милоша⁵, того, первого Милоша (второй стал нобелевским лауреатом).

– Чеслав Милош⁶...

– Да. А его дядя был послом независимой Литвы в Париже. Он вообще не говорил по-литовски, но при этом не хотел, чтобы Литва была с Польшей. Так что это тогда еще проявилось – желание независимости. А то, что большая часть жителей Литвы хотела быть с Польшей, довело до конфликта. К счастью, не такого кровавого, но все-таки это был очень драматический конфликт. И потом, когда немцы оторвали Мемель (ныне Клайпеда), Польша с позиции силы потребовала у Литвы, чтобы были дипломатические отношения, даже когда Литва этого не хотела. Все это было, но мы сегодня смотрим на эти события если не с ужасом, то с прискорбием, это были совсем не мудрые ходы.

– И Вильнюс на тот момент был польско-еврейским городом...

⁵ *Оскар де Аюбич Милош* (1877–1939) – французский поэт и литовский дипломат; родственник (дядя) и наставник Чеслава Милоша.

⁶ *Чеслав Милош* (1911–2004) – польский поэт, переводчик, эссеист. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 г., праведник мира.

– Конечно, это было, безусловно, большинство населения. Но мы смотрим на это, как в Ирландии. Ирландия – это страна, где ирландский язык исчез. Есть независимая Ирландия, которая входит в Евросоюз, и есть Северная Ирландия, которая остается в Соединенном королевстве. И тут язык совсем не был для идентичности ирландцев самым важным, потому что люди язык просто забыли.

– Там важна была еще и религия.

– Да, но и в Литве тоже протестантизм был довольно сильным, кальвинистов было много во времена, когда Радзивиллы стали в большинстве кальвинистами. Так что много исторических причин, из-за которых это все завершилось несчастливым. Но акция «Висла» – это уже было чисто сталинское решение, чтобы освободиться от проблем партизанской войны. На эти земли, которые были не заселены после того, как немцев изгнали, переселили лемков.

С Александром Бардини, 1968 г.

– **Были не заселены какие земли?**

– Поморье.

– **Туда переселили поляков?**

– Да. Это признано Польшей. Но там населения было

очень мало, поэтому было переселено, кажется, 140 тысяч.

– **А остальные пришли из Белоруссии?**

– Из Белоруссии, из Литвы и Украины, конечно.

– **И в Бреслау?**

– Да. Там Колобжег сейчас (немецкий Кольберг). Эти все города, особенно у моря и на Мазурах⁷ – это все была равнинная земля. Но переселение с Бещад (горы в Польше), где эти люди жили, на равнину – это было просто нечеловеческим решением, потому что переселенцы почувствовали себя абсолютно чужими.

– **Это были лемки?**

– Да.

– **То есть лемков не всех вернули в Советский Союз?**

– Нет, огромную часть переселили.

– **И они потеряли свою национальную идентичность?**

– Знаете, не до конца. Я вижу, встречаю людей, которые абсолютно уверены, что они прежде всего лемки, потом украинцы, а только потом уже поляки.

– **Но язык свой они потеряли?**

– Нет, не потеряли. Но это диалект, это тоже не настоящий украинский, довольно для нас трудный, нам легче разобраться с украинским, чем с языком лемков.

– **Что произошло в 1919 году с Гданьском-Данци-**

⁷ Озера на северо-востоке Польши, до 1945 г. – на территории Пруссии.

гом? Он на тот момент был каким, немецким?

– Ну, если смотреть на население, то да, большинство было немецким, хотя было много и поляков тоже. Даже во Вроцлаве осталось немного поляков, а вот в Штеттине (ныне Щецин) не было поляков практически. Там даже немцы были чужие, потому что исторически это был шведско-данский город.

– Датский?

– Нет, это из старого прусского языка, которого мы уже не знаем. Тот язык ближе к литовскому и латышскому. Из этого языка, мне кажется, и произошло название Данциг. Но это все – догадки. Ну, а насколько это был город, в котором население было немецким, неизвестно. Но при этом город был частью Речи Посполитой. И вообще, знаете, в XVIII веке это не имело большого значения, даже Краков был в огромной степени немецким городом, где все мещанство было немецким и говорило по-немецки. Там была борьба за то, чтобы проповеди в костелах были на польском хоть изредка, потому что мещанство хотело, чтобы служили по-немецки. Это в XVII веке, даже в XVI столетии так было. Так что, знаете, то, что население говорило по-немецки, не означало, что они сами себя считали немцами. Они считали себя жителями этого города. И тогда нашли выход – компромисс: сделать из него вольный город, который не принадлежал ни Польше, ни Пруссии. Но и это оказалось плохим решением, потому что продолжалось не долго, и потом Гитлер там нашел много

ПОКЛОННИКОВ.

– И оттуда, фактически, началась война?

– Да. Потому что они присоединили свой, как они считали, Данциг (Гданьск). Раньше Гитлер требовал экстерриториальной автострады, чтобы был свободный доступ, но было ясно, что это на самом деле – только предлог, что он хочет завоевать эти земли.

– Польская армия реально сопротивлялась немцам в 39-м году. Это было связано с тем, что поляки действительно надеялись выиграть войну?

С Яном Новицким и Яном Кречмаром на съемках фильма
«Семейная жизнь», 1971 г.

– Да, серьезно надеялись.

– **Как ваш предок в 1863 году пошел воевать, зная,
что дело проиграно?**

– Нет, это по-другому было: многие люди были уверены,

насколько я помню (мне так говорили в семье), что если Великобритания и Франция вошли с нами в альянс, то они вступят в войну. И надо было только дожидаться их. Знаете, есть такая теория – все это только теории – или гипотеза, что если бы Польше удалось добиться успехов в этой войне в самом начале сентября 1939 года, может быть, тогда и Сталин не ввел бы войска, может быть, Англия и Франция все-таки приняли бы концепцию превентивной войны – ударили бы по немцам с другой стороны, чтобы переломить ход войны. Но, к несчастью, хотя польская армия не была слабой, но милитарная концепция была ошибочной. Армия была растянутой, а сейчас считают, что было бы лучше ее сконцентрировать и нанести удар в направлении Берлина, который мог бы быть тогда удачным. Если бы Польша воевала успешнее, тогда, может быть, англичане и французы посчитали бы, что это хороший момент для интервенции.

На съемках фильма «Семейная жизнь», 1971 г.

– Поляки понимают, что англичане и французы их фактически предали в 1939 году?

– Да, но они могли этого ожидать, после того как предали в Мюнхене чехов.

– Получается, перескакивая на Будапештские со-

глашения 1994 года, фактически, точно так же англичане и американцы предали Украину, когда Путин вошел в Крым?

– Ну, может быть, но, на мой взгляд, это не так. Потому что это еще не решено. Может быть, в будущем, ведь еще не признаны эти все захваты. Это больше проблема не Крыма, мне кажется, а мирового порядка. Если начнем ревизию границ, то заново вернемся к той Европе, которая была в XIX веке. А мы все этого не хотим, мы хотим, чтобы границы вообще исчезли, а не того, чтобы их пересматривать. Это очень опасная идея.

Восток – Запад. Культура, право

– Польша в течение многих веков была фактически границей Востока и Запада. Это территория, на которой заканчивалось католичество, это территория, на которой заканчивалось магдебургское право, территория, на которой заканчивались вольные крестьяне – соответственно...

– Да, и где был средний класс – появлялся, медленно, но появлялся. Это магдебургское право. И мы говорим: где ратуша – там латинская традиция, потому что лучше даже сказать не католицизм, а латинская традиция, потому что она касается и протестантов, они тоже принадлежат к этим же корням, латинским, а не византийским.

– Каковы главные отличительные черты того Запада, которым была Польша в культуре, искусстве, традициях?

– Вообще то, что Польша принадлежала латинской традиции, означает, что она в философском плане ближе к Аристотелю, чем к Платону. Восток более тяготеет к Платону. Знаете, в теологическом смысле это очень сильно влияет на

мышление. Это не проблема элиты, это проблема огромных масс, которые молятся. И знаете, в православии, в восточной церкви вечная жизнь намного сильнее подчеркнута, чем жизнь на этой земле. А в латинском мышлении больше интереса к этой жизни. И чуть меньше к жизни вечной. И значит, стоит ли работать над этим, чтобы лучше жить на этой земле? Восток меньше этим озабочен, а Запад чуть больше. Нельзя сказать, что это лучше или хуже, это тонкая граница, но вы помните, у монахов, которые построили Западную Европу, например монахов-цистерианцев⁸ и прежде всего бенедиктинцев, был лозунг: «Ora et labora» («Молись и трудись»). Восток как будто больше молился, меньше работал. А Запад – больше работал, чуть меньше молился. И в этом есть, может быть, та разница, которую можно почувствовать – отношение к идеалу. На Востоке идеал так далеко, что он недоступен, поэтому там нет романтического героя. Романтический герой – тот мой прапрадед, который идет на проигранную борьбу. Это и есть человек в традиции Сида Кампеадора⁹, если помните Корнеля. Это герой Гёте, это герой

⁸ *Цистерцианцы* – католический монашеский орден, ответвившийся в XI веке от бенедиктинского ордена.

⁹ *Сид Кампеадор*, более известный как Эль Сид Кампеадор, настоящее имя Родриго Диас де Вивар (1040–1099) – кастильский дворянин, военный и политический деятель, национальный герой Испании в борьбе с маврами (Реконкиста), герой испанских народных преданий, поэм, романсов и драм, а также знаменитой трагедии Корнеля. Известность он получил благодаря храбрости и героизму во время многочисленных битв.

романтиков – Виктора Гюго и других. Этого героя на Востоке нет. Там если чистый человек, если это Мышкин, он заканчивает как юродивый. Поэтому не стоит бороться, потому что известно, что в этом мире надо проиграть. Мы тоже чувствуем, что чистый человек проигрывает, но для нас, на Западе, он проиграет с честью. А на Востоке – он все бросил и пошел, как юродивый, и жил, как нищий, под монастырем.

– В советское время было выражение: «Добро должно быть с кулаками».

– Ну, коммунисты хотели оторваться от православной традиции. Хотя Сталин, как ученик семинарии, глубоко чувствовал в себе эти интуитивные решения, которые принимал.

– Мне кажется, что Сталин как раз построил фактически новую религию...

– Да, новую, но похожую на старую.

– Ну правильно, он ее вырастил из православия.

– Из православия, да, но из своих семинарских времен.

– И культ личности фактически был божественным культом...

– Божественным, абсолютно.

– Какие все-таки культурные традиции отличают Восток от Запада именно в Польше?

– Мы говорим о европейском Востоке, конечно. Это роль монастырей и университетов. Здесь университеты были основаны очень давно, в XIII веке, как и в Западной Европе.

А в России первый университет создан гораздо позже. И в этом разница. Чувство свободы. Оно очень сильно связано с Западом, с западным мышлением. Хотя у вас казаки – это тоже люди, которые так любили свободу, что уже не помещались в системе.

– Но они не были частью Российской империи.

– Не были, конечно, в том смысле, что это не Восток.

– Это как раз та часть, которая ушла из Российской империи.

– Ну да, поэтому я и говорю, что для меня они не Восток, они уже в своем подходе к жизни были более западными людьми, с индивидуализмом, который очень любили.

– А Россия имеет больше византийскую традицию или монгольскую?

– Это и то, и другое, но, конечно, более византийскую, она мне ближе, а то, что монгольское, – это, мне кажется, испортило Россию.

– Малюта Скуратов – это монгольская традиция, а не византийская?

– Да, поэтому я и говорю, что надо оценить...

– Значит, КГБ – это тоже монгольская традиция?

– В огромной степени, а причина – это не похоже на Запад.

– То есть получается, что в России сосуществуют византийская традиция, которая изначально пришла с Запада, и монгольская, которая пришла с Востока.

– Византийская пришла с юга, не с запада, она не через

Рим пришла, а прямо из Византии.

– Но в Византию она пришла из Рима...

– Из Рима, но этот Рим за три века до принятия христианства Византией люди не помнят, они забыли, что первый епископ (апостол Петр) был в Риме и в этом никаких сомнений не было.

– И таким образом Польша была самой западной землей, которая не только монголами была завоевана, но и самой западной землей, которая завоевана Россией.

– Да, это правда. Конечно, можно сказать еще и о другом, но практически да, нет такого другого примера.

– И сегодня Украина начинает играть роль Польши в прошлые века?

– Может быть, это очень интересная роль, но мы проиграли, так что можно учиться на наших ошибках.

– С вашей точки зрения, Украина ближе к Европе или к византийской традиции?

– Мне трудно судить, я здесь не имею никаких инструментов, чтобы это почувствовать, измерить. И в самой Украине есть плавный переход от Западной Украины к Восточной Украине – они очень разные, и в мышлении это тоже есть.

С кинооператором Петром Собоциньским, 1971 г.

– **Но это именно плавный переход...**

– Я бы сказал, что мне бы так хотелось, а это уже не объективно, конечно, мне бы хотелось, чтобы Украина была ближе к Западу, например как Греция, которая тоже в таком же неясном положении, но она от Запада взяла довольно много. И мне кажется, что от этого она стала богаче, стала лучшей страной, чем если бы она имела корни только в Византии. Но

только с XIX века усилилось это влияние Запада на Грецию. И до сих пор эта страна в Евросоюзе как будто полностью не вписывается в этот мир. Значит, она немножко чужая.

– **Из-за того, что она больше турецкая ментально?**

– И турецкая, но и византийская.

– **А вы думаете, там остался византийский дух?**

– Очень сильный. Мне кажется, очень сильный. Он и в православии, и в мышлении, и в языке. Он там есть.

– **Украина должна больше Европе или Европа Украине?**

– Трудно сказать. И то и другое, как мне кажется. Неизвестно вообще, что сейчас нужно Европе, потому что момент переломный и мы не знаем на самом деле, куда Европа может дальше пойти. Потому что появились эти популистские тенденции, в Европе страны начали ссориться между собой, как было раньше, до возникновения Евросоюза. Наши достижения казались уже полными, а сейчас надо будет, может быть, сделать шаг назад, надеюсь, только шаг, а не два шага. И в этом смысле я бы очень хотел, чтобы Украина была частью Евросоюза, и таким образом и экономический, и духовный потенциал Европы стал бы гораздо выше. Но насколько это реально, мне трудно сказать.

1945 год. Польша

– Давайте вернемся в 1945 год. Была ли альтернатива у Польши остаться западной страной?

– Ну, это не от нас зависело, и, конечно, альтернатива была в течение Тегеранской, а потом и Ялтинской конференции. Но мы, к сожалению, там не остались. Тем более интересно, что было очень вероятно, что Греция могла бы быть частью советского лагеря. Грецию удалось от этого спасти, но нас не спасли.

– А как был настроен польский народ?

– Ну, все было однозначно, все хотели, чтобы мы дальше жили в нормальных европейских условиях. Люди себе не представляли даже, что у нас будут колхозы – это был такой символ, что мы будем похожи на Советский Союз.

– А Армия Крайова была влиятельной силой в этот момент?

– Очень влиятельной. Но она, к сожалению, в определенный момент должна была остановиться и исчезнуть.

– И что произошло с теми, кто был в ней?

– Многих выдающихся людей потом коммунисты пресле-

довали. И самое горькое, что преследовали патриотов. Особенно преследовали тех, у кого были великие заслуги в борьбе против немцев. И до сих пор это проявляется, людей, которые боролись против немцев, обвиняют в недостатке патриотизма, потому что они были антикоммунистами, конечно. Ведь Польша в течение войны и после семнадцатого сентября, после Катыни, была очень антикоммунистической, это началось в 1920 году. Польский рабочий очень не любил Советский Союз.

– А о Катыни знали все в советское время или нет?

– Мне кажется, вся интеллигенция знала. И народ тоже слышал об этом. Были люди, которые надеялись, что все-таки это сделали немцы, но таких было меньшинство.

– Армия Людова была чем-то значительным?

– Насколько я знаю, не очень. Но она тоже была не на сто процентов подчинена коммунистам. Была борьба, чтобы их подчинить.

– А каким образом Советскому Союзу удалось в 40-е годы изменить курс Польши фактически руками поляков?

– Ну, не до конца руками поляков, все-таки в страну вошла огромная советская армия, и это они наводили здесь порядок. Генерал Серов¹⁰, начальник КГБ, давил на Польшу,

¹⁰ Иван Александрович Серов (1905–1990), с 7 марта по 27 апреля 1945 г. – советник НКВД СССР при Министерстве общественной безопасности (МОБ) Польши.

он возглавлял все акции, он решал, кого депортировать, кого «закрыть», кого послать в тюрьму. Хотя, конечно, была группа поляков, которая уже в 1920 году хотела, чтобы свободная Польша, после Первой мировой войны, присоединилась к Советскому Союзу. Но это было абсолютное меньшинство – люди, которые себя не чувствовали по-настоящему поляками, как маршал Рокоссовский¹¹, который был сильно русифицированным в своем мышлении и хотя и говорил, но плохо, по-польски. Он, может быть, пусть по-своему, чувствовал себя поляком. Но поляки его как своего не воспринимали.

¹¹ *Константин Константинович Рокоссовский* (1896–1968) – советский и польский военачальник, дважды Герой Советского Союза. Единственный в истории СССР маршал двух стран: маршал Советского Союза и маршал Польши.

Роль религии. Польша после 1945 года

– Какова роль религии в коммунистический период? Польша была исключением в соцлагере?

– Ну да, но это с XIX века началось, это важно не забывать, что в XIX веке не было ассоциации, как мы говорим, трона и алтаря, то есть церкви и государства, что, когда Польша была разделена, костел был своеобразной духовной властью народа. Во всей Польше. И это тоже важно, потому что очень часто люди с востока забывают, что Польша была разделена между тремя странами, и влияние австрийцев и пруссаков было совсем другим. Это были западные страны, с западными структурами, западной юриспруденцией, западными обычаями. И это было очень важно для нашей жизни. Русская часть была хуже развита и была под худшим управлением – русская администрация была гораздо хуже, чем австрийская или прусская. Мы, к счастью, имели людей, воспитанных по-другому, хороших хозяев (это все было в двух западных частях Польши). И только одна часть была под русским влиянием.

– И костел объединял все эти части?

– Конечно, объединял очень сильно и это делали костел и культура. И вы знаете, это не только у нас так было. Вот неизвестно, кто объединил Италию – можно сказать Гарибальди, а можно – Верди. Джузеппе Верди со своими операми, которые были музыкой, объединившей Сицилию и Пьемонт. То же самое можно сказать о Вагнере, который сыграл огромную роль в объединении Германии. Эти страны не были объединены. А у нас такая же роль у Шопена, Мицкевича и т. д., хотя, если посмотреть, то Мицкевич был «-вич», а значит, он был из Литвы. Мы сегодня скажем: без сомнения, он поляк, но никогда в Варшаве не был и Корону не считал своей родиной, он был польскоязычным литовцем. Это сегодня уже не понятно, но это так. А Костюшко, а все эти фамилии на «-о» – это были русинские фамилии. Они были полонизированы, но они дети этой земли, мы должны это признать.

– Но они русины?

– Русины в Речи Посполитой. Носители русинские польского языка, но, безусловно, русины.

– Итак, церковь, которая состоялась в XIX веке, усилилась в начале XX, а потом после 1945 года...

– Да, но потом... прежде всего, не забывайте, была немецкая оккупация. Церковь сыграла тогда огромную роль. Знаете, начиная с того что больше всех пострадали священники. Немцы убили больше священников, чем учителей, инженеров или врачей.

– При том, что немцы были тоже католиками или протестантами...

– Да, это так, но гитлеризм вообще был языческим. Нацисты ненавидели христианство, еврейское христианство, хотя и не признавались в этом, но все окружение Гитлера было абсолютно языческим. И знаете, почему им Вагнер так нравился, потому что это протогерманские культы. А христианский сентиментализм – это то, чего Гитлер не выносил, считая, что это слабость, еврейская сентиментальная слабость. Так что немцы преследовали костел очень сильно в годы войны. А костел очень помогал, и, к счастью, как католический костел, имел поддержку за границей. И Гитлер здесь вынужден был поступать осторожнее, хотя много епископов и огромное количество священников было в концлагерях, расстреляно, убито. Так что костел вышел из войны уже как герой.

С актрисой Майей Коморовской, 1974 г.

– Как герой, но ослабленный тем, что были убиты лучшие.

– Ну, конечно, это всегда так было. И снова начал играть такую же роль в сталинские времена, как играл раньше, а значит – противостоял советскому. А дело в том, что Сталин со своим опытом, кажется, с 1920 года знал, что в Польше костел надо оставить не то чтобы в покое, в покое они его, конечно, не оставили, но нельзя его открыто сломать.

– Вы думаете, он боялся революции?

– Боялся. Этим польским предателям, которые ему при-

служивали, он несколько раз это говорил, это зафиксировано. Они хотели убрать польский гимн, а Сталин сказал: «Оставьте. Оставьте орла (герб)». Это, говорят, он сам решил.

– А кто хотел убрать?

– Ванда Василевская¹², Берут¹³, конечно, – те, которых Сталин прислал в Польшу. Они советовали Сталину гораздо более радикальные решения, а он их останавливал. Более реалистически смотрел на вещи.

– А Ванда Василевская была настолько влиятельна?

– В самом начале очень, потом ее немножко окоротили, отправили в отставку, она уехала в Киев, где жил ее муж, Корнейчук¹⁴.

– Мне рассказывал писатель Павло Загребельный, который был знаком с Корнейчуком, что Сталин насильно женил Корнейчука на Ванде Василевской.

– Да? Что ж, он мог себе это позволить.

– И потом они развелись.

– Я не знал этого.

¹² *Ванда Львовна Василевская* (1905–1964) – польская и советская писательница, поэтесса, драматург, сценарист и общественный деятель. Лауреат трех Сталинских премий. Член ВКП с 1941 г.

¹³ *Болеслав Берут* (1892–1956) – польский партийный и государственный деятель, первый президент Польской Народной Республики.

¹⁴ *Александр Евдокимович Корнейчук* (1905–1972) – украинский советский писатель и политический деятель. Академик АН СССР.

– То есть это был фактически такой династический брак, для управления Польшей.

– Династический брак. Интересно.

– И все-таки религия участвовала в реальном сопротивлении или только пассивно?

– Знаете, реально в то время были только партизаны.

– Ну почему, а «Солидарность»?

– Ну, это гораздо позже.

– Но это тоже послевоенный период.

– Ну да. Но когда я говорю «послевоенный», то имею в виду до «оттепели» – это был совсем другой период. Потом костел в определенных условиях, можно сказать, спас коммунистов, потому что восстание уже витало в воздухе. Иначе произошло бы то же самое, что и в Венгрии. Говорят, что по советам Чувенлая, который был здесь, в Варшаве, и уговаривал Хрущева пойти на компромисс и никаких танков не посылать.

– В начале 60-х?

– Нет, это был 1956 год, осень.

– Одновременно с Венгрией?

– В Венгрии тогда была огромная опасность взрыва, и тогда кардинал Вышинский, которого выпустили из-под ареста (он был интернирован), оказал поддержку коммунистической власти и сказал: «Мы не хотим восстания». А кардинал Венгрии Миндсенти сказал совсем другое.

На съемках фильма «Защитные цвета», 1976 г.

И после 1956 года он оказался в американском посольстве, и там более 10 лет прожил, потому что спрятался там после разгрома венгерского восстания. В Польше мы поддерживали венгров, я помню, мы все сдавали кровь для них. А она, конечно, шла для советских солдат, но все-таки для людей. Но мы делали все, что возможно, чтобы венгров поддержать. У нас, в Польше, к счастью, власти пошли на компромисс: ну, знаете, разрешили многое, прежде всего прекратили создавать колхозы, появились как будто не такие уж фальшивые профсоюзы, решено было, что будет частное владение землей, что будут частные небольшие предприя-

тия. Это все в 1956-м произошло. И уже никогда не вернулось назад. Хотя я думаю, что коммунисты надеялись, что это потом можно будет все отыграть назад.

К тому же несколько преступников сталинского времени посадили в тюрьму, в назидание, чтобы они не продолжали этих ошибок культа личности.

– Кого?

– Был такой Радкевич¹⁵, который устраивал пытки в Министерстве внутренних дел, он был самым главным обвиняемым, а нескольких просто отправили в отставку. Но то, что в коммунистической стране провели процесс над коммунистическими деятелями – это редкость. Но следует сказать, что Гомулка¹⁶, когда пришел к власти, тоже был их жертвой. Ему можно было поверить, потому что он сам был в тюрьме (его в сталинские времена закрыли за национализм).

– Почему в начале 1970-х на его место пришел Терек¹⁷?

– Потому что Гомулка уже исчерпал себя, он был огра-

¹⁵ *Станислав Радкевич* (1903–1987) – генерал-майор госбезопасности, один из основателей карательного аппарата ПНР. В 1944–1954 гг. – министр общественной безопасности, с 1948-го по 1956 г. – член политбюро ЦК ПОРП. Организатор политических репрессий. Отстранен от власти в ходе польской десталинизации второй половины 1950-х.

¹⁶ *Владислав Гомулка* (1905–1982) – генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии в 1943–1948 гг., первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) в 1956–1970 гг.

¹⁷ *Эдвард Терек* (1913–2001) – польский политический деятель, первый секретарь ЦК ПОРП в 1970–1980 гг.

ническим человеком, особенно в экономических вопросах, очень наивным. И в той же компартии уже родилась сила, которая хотела реформировать страну, сделать более развитой. Мы же на мадьярах увидели, что в Венгрии это постепенно происходит, что чуть-чуть больше рынка можно допустить. А Гомулка был догматиком, он не мог этого допустить.

– И все-таки в 1980 году фактически победила «Солидарность». Почему это случилось? Они победили морально?

– Знаете, есть много факторов. Морально победили, но так случилось еще и потому, что экономика была в очень в плохом состоянии, да и костел играл важную роль, и Папа Римский – поляк, который тоже объединил нацию. И противостояние было очень сильным, а поляки обожают оказывать сопротивление, это наше любимое занятие – противостояние. Мы не любим строить, но очень любим разрушать и противостоять, и это было такое противостояние, когда все чувствовали необходимость сказать: «Нет, хватит этого».

– А Ярузельский при этом кем был? Он был патриотом или врагом народа?

– Трудно сказать, да и судить я его не могу. Знаете, сейчас я расскажу анекдот из моей жизни, который я еще не рассказывал. Я был тогда за границей, во Франции, когда было введено военное положение, в 1981-м, а моя ассистент в то время, потом уже моя коллега Агнешка Холланд была в Швеции. Она – дочь коммунистического деятеля, который

потом тоже ушел в отставку по собственному желанию.

С Агнешкой Холланд, 2012 г.

Она очень зрелый человек, но у нас разница в темпераментах: я флегматик, она – холерик. И в тот же самый день какие-то журналисты и ей, и мне поставили одинаковый вопрос: кто Ярузельский для вас? Агнешка ответила: советский генерал в польской форме. И потом 5 лет не могла приехать в Польшу. А я ответил, что представление, которое генерал Ярузельский имеет о патриотизме, не совпадает с моим. Похожий ответ, но на меня никто не обиделся. Так что мне судить, патриот ли он, трудно.

– Но можно представить, что он таким образом спас страну от советских танков?

– Мы этого не знаем, но, боюсь, что он тоже этого не знал. Это было как всегда, никто не имел всей информации. Большинство историков сегодня говорит, что есть доказательства, что советские войска не вошли бы, но трудно судить, насколько это правда.

Культура после 1945 года

– При военном положении польская культура в каком была состоянии?

– Она была практически вся в оппозиции. И это было великолепно. Не нашли вообще людей, которые бы с ними сотрудничали, их было очень мало, и они были очень непопулярны. Люди культуры прекрасно чувствуют, что это такое – любовь народа. И это важнее денег, важнее всего.

– Но они были готовы страдать бесконечно или чувствовали, что это закончится?

– Это есть всегда – чувство момента. На тот момент, например, бойкот государственного телевидения был очень сильным. И все серьезные актеры и люди культуры отказывались от всех контактов с государственным телевидением. Надолго ли, этого мы тоже не знали, но другого телевидения не было.

– Но это же был риск потери себя в профессии?

– Ну, тогда они не видели возможности, чтобы найти себя в профессии, о чем было рассказывать?

Поэтому я тоже остался на Западе. Потому что мы боя-

лись, что будет, как в Чехословакии.

– А сколько времени вы были на Западе?

– Недолго, полгода, но состояние духа было важно. Я еще не потерял паспорт, но я уже считал себя эмигрантом, которому придется жить во Франции, пока мне не передали важную информацию, что первый заместитель Ярузельского генерал Кищак¹⁸ обещал Кшиштофу Кесьлёвскому, который с ним связался и спросил, может ли Занусси вернуться в Польшу и выпустите ли вы его, потому что у меня были, конечно, разные договора и я не хотел рисковать, если мне запретят покидать Польшу. И тот сказал: «Да, я обещаю». Ну, министр внутренних дел, его обещание не много значит, но я поверил в это и приехал. И там у меня вышел смешной случай: на многих фотографиях того времени видно, что у меня борода. Я бы никогда не подумал завести бороду, мне подсказал тот же Кесьлёвский: идет бойкот государственного телевидения, если ты прилетишь, тебя будут снимать в аэропорту. А потом, если ты откажешься от интервью, они возьмут из архива твое интервью, которое ты дал год тому назад о японском искусстве (им все равно) – и ты появишься на государственном телевидении, – скажут, тебя купили. Подожди две недели, отрасти бороду, а с бородой тебя уже не смогут

¹⁸ *Чеслав Кищак* (1925–2015) – польский генерал и политик, член ПОРП. В 1981–1990 гг. – министр внутренних дел, одна из ключевых фигур режима военного положения, установленного В. Ярузельским. В августе 1989 г. был назначен председателем Совета министров Польши, но не смог сформировать правительство.

смонтировать, потому что ты покажешься при выходе из самолета с бородой, а в архивах ты всегда без бороды, и с этим нельзя уже ничего сделать. Наоборот было бы возможно, а в эту сторону – никак. Я так и сделал, и когда Кишак меня позвал, это было первое его замечание: «Я знаю, почему у вас борода». – «Если хотите ее сбрить, буду сидеть в аэропорту, пока она не вырастет заново». – «Мы вас не пустим».

– Почему?

– Потому что он понял, что это борода политическая, что это способ, как сделать невозможным использование моих старых интервью. Он спросил: «Почему вы возвращаетесь в Польшу, но не хотите сотрудничать с телевидением?» А я ему ответил... я часто так делаю, это смешно с циниками играть циника, это очень смешно, потому что они этого не ожидают. Я сказал: «Знаете, для меня любовь народа важнее денег, известности и так далее. Если бы ваша власть была популярна, я бы просил вас на коленях: дайте мне выступить по телевидению. Но если вас не любят, не разрешу использовать свое лицо вашему телевидению, потому что мне это не поможет, а я должен думать о своей карьере, о том, как люди ко мне относятся».

– И вам не мешали снимать кино?

– Ну, знаете, очень трудно было придумать сюжет, который в те времена прошел бы. Но я придумал исторический сюжет – 1945 года. Я думал, что это хорошо придумано. Но то, что я не был тогда в Польше, было моей ошибкой: я не по-

чувствовал настроения. Я думал, что я покажу, как мы проиграли в 80-м, 82-м, 83-м, что это будет похоже на 45-й, что мы тогда были как будто победителями во Второй мировой войне, а на самом деле чувствовали себя проигравшими. Но эта аналогия не сыграла никакой роли, люди, зрители этого так и не поняли, не почувствовали этого.

С Кшиштофом Кесьлёвским, 1995 г.

– А критики?

– Критики... нет, был запрет вообще положительных рецензий на эту картину. Меня предупредили уже: в ЦК картина не понравилась, но она была результатом совместного

производства с немцами и американцами, и поэтому они не могли здесь ничего сделать.

– Порезать не могли?

– Не могли, негатив был, и картина победила на Венецианском фестивале, так что это было неудобно для властей. Но их это раздражало, потому что там была очень тонкая аллюзия с Катинью, и это невероятно раздражало власти. Там просто есть эксгумация, и я сделал такую сцену, которая напоминает фотографии из Катини. Только фотографии. Это как будто могилы людей, которых немцы убили. Картина называлась «Год спокойного солнца». И она должна была быть представлена как польский кандидат на «Оскар», но, кажется, Ярузельский сам посмотрел картину, еще на видеокассете, и запретил – сказал, что Польша вообще не будет участвовать в «Оскарах». Мне было жаль... в тот год я имел очень большие шансы, там были американские сопродюсеры, которые тоже могли повлиять, но не удалось.

– А в Венецию выдвигали американцы?

– Немцы. Польша сначала не была против. Для Ярузельского, для его правительства было очень важным то, что называли нормализацией, чтобы показать, что в стране все в порядке, все спокойно, можно уже забыть...

– То есть они за вашу победу ухватились?

– Да, ухватились, а потом их это раздражало.

– Если вернуться в середину 50-х годов, когда Вайда снимал фильмы, которые вошли в мировую классику.

Ему мешали?

– Конечно, мешали. Давили, вырезали кадры. Это всегда была такая борьба, мы даже гордились, если что-то вырезали – значит, мы дошли до границы.

А если ничего не вырезали – значит, картина конформистская. Это, конечно, шутка, но мы так смеялись. И Вайда в одной из своих картин – «Не виноватые волшебники», кажется так она называлась, или «Невинные чародеи» – снял очень провокационную сцену, которую, конечно, цензура с криком вырезала. Он заранее знал, что этой сцены не будет, но зато все остальное уже пропустили, не заметили.

– Эта сцена была – рассказывал кто-то – из истории про советского художника в Киеве, который очень любил продавать государству свои картины. И когда художественная комиссия заседала, постоянно на его картинах была, например, где-то в углу картины нарисована совершенно не имеющая отношения к картине собачка. Он рисовал эту собачку осознанно. После чего худсовет просил его закрасить собачку и больше никаких претензий к картине не имел.

– Это чуть-чуть похоже, только было гораздо больше, чем собачка. Там ночью пьяные молодые люди проходили мимо кладбища, а кто-то там показывал им могилы и говорил: «Вот, они украли наших покойных: они все были в Армии Крайовой, а здесь написано Армия Людова. Они украли наших предков». Ну, конечно, это все было вырезано.

– И потом это не восстановили?

– Нет, никогда.

– Но ему работать не мешали?

– Мешали, но никогда не было такого, чтобы все запретить. Ну вы знаете, всегда было все-таки уважение к искусству, в Польше с XIX века осталось, что искусство – это основа нашей идентичности. Не будет искусства – не будет Польши.

На съемках фильма «Год спокойного солнца» с актерами Майей Коморовской и Скоттом Уилсоном, исполнителями главных ролей, 1985 г.

– А при этом были другие деятели искусства, которые служили власти верно?

– Не так много и не слишком хорошие. Самое важное, что не было талантливых, не было великих. Был, например, Ивашкевич¹⁹, который разрешал власти использовать свое имя, но...

– Тоже не написал ничего такого, за что было бы стыдно?

– Нет, нет. Но есть его эпопея о революции в Украине, по ней даже сняли телевизионный сериал, довольно достойный. Правда, у него были позорные стихи в сталинские времена, это правда, и он этого очень стыдился.

– А Реймонд в какие годы писал?

– Реймонд – это до Первой мировой войны.

– Так вот получается, что польские деятели искусства в этом смысле очень сильно отличались от советских, когда много действительно великих представителей...

– Да. К счастью, этого у нас практически не было совсем. А партийные писатели все-таки были плохими писателями. Был такой момент в 60-е, в 70-е годы, когда один раз появился министр культуры, который был прекрасно образо-

¹⁹ *Ярослав Аeon Ивашкевич* (1894–1980) – польский писатель, поэт, драматург, переводчик. Председатель Союза польских писателей. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ванным, толковым и мудрым человеком, но, я бы сказал, глубоко циничным. Бывший католик. С итальянской фамилией Вильгельми. Он заметил правильно, что партия потеряла ведущую роль в культуре, и пробовал это вернуть. Говорил, что Шостакович, Прокофьев стали великими, потому что это она, партия, сделала их великими. Да, это правда, что партия их поддерживала, помогала, посылала за границу.

– Но, в случае с Шостаковичем, и травила тоже.

– Ну и травила, конечно. И с Прокофьевым тоже так было. Так что, с одной стороны, он это заметил и обещал партии, что он, Вильгельми, вернет партии эту роль. Он начал преследовать популярных оппозиционных писателей, но вытащил по-настоящему великого, о котором просто мир чуть-чуть забыл, и надеялся, что он доведет его до Нобелевской премии. Но не успел.

– Ивашкевича?

– Нет. Ивашкевич этого хотел бы, но Ивашкевич был слишком связан с властью. Это был автор исторических произведений, человек из Харбина, а вообще-то поляк, который родился в Китае, многие годы прожил в Тибете – Теодор Парницкий²⁰. Абсолютно первого уровня писатель.

– Он и сейчас остался в мировой литературе.

– Конечно. Но он не мог бы добиться лучшей позиции, если бы его поддерживали, прежде всего если бы кто-то снял кар-

²⁰ *Теодор Парницкий* (1908–1988) – польский писатель, автор исторических и историко-фантастических произведений.

тину. Снята была одна очень хорошая телевизионная картина на основе его романа, но этого недостаточно, надо было бы снять большую картину. И это планировал министр, он думал, что добьется этого.

– Он не успел долго пробыть министром?

– Да, произошел несчастный случай, просто невероятно – разбился самолет, когда он возвращался из Болгарии, чтобы получить номинацию. Он был заместителем министра культуры без министра культуры – министра долго не было. Партия его тоже боялась – он был слишком интеллигентным. Они ему не доверяли. И правильно.

С Тадеушем Брадецким на премьере фильма «Константа», 1980 г.

– А какую роль играли тогда Вислава Шимборская²¹ и Чеслав Милош?

– Милош был в эмиграции, так что он был под запретом, нельзя было вообще о нем упоминать. Он жил в Лос-Анджелесе, нет, в Беркли.

– И здесь его вообще не знали? Даже в самиздате ничего не было?

– Нет, в самиздате был. Но его, знаете, популяризировала «Радиостанция Свободная Европа» («Радио

Свобода»). Все это слышали, и, знаете, тогда у поляков появился великолепный снобизм. Вы знаете, я это почувствовал. Когда я перешел в 4-й класс элементарной школы, начались специальные предметы (до 4-го класса был один учитель все время, а потом, когда начинаются отдельные предметы, учителя уже разные). Мой отец позвал меня и сказал: «Если ты слушаешь лекции по математике, физике, химии – учись и не морочь нам голову. Но если это польская литература, история, география, биология – рассказывай дома, что тебе говорят в школе. Мы тебе скажем, где правда, а где ложь. Но в школе об этом не говори». И вы знаете, первое, что я почувствовал, когда пошел в школу после этого,

²¹ *Вислава Шимборская* (1923–2012) – польская поэтесса; лауреат Нобелевской премии по литературе 1996 года.

я заметил, что мне говорят не то, что дома. Мой друг тоже это заметил. Значит, мы принадлежали к клубу информированных. Не слушать «Радио Свободная Европа» – это надо быть круглым дураком – было б стыдно: как, ты не слышал? Что же ты делаешь, если не знаешь, что на «Радио Свободная Европа» сказали? Это было необходимо знать.

– А его не глушили?

– Глушили. Но были разные способы. Слушал, хотя слышно было плохо.

– То есть даже дети это всё знали?

– Конечно, и очень многие люди. Хотя, конечно, не все – были партийные, были разные люди. Но мы чувствовали, что необходимо знать «Свободную Европу». Это смешно, но мы почти все знали.

– О Виславе Шимборской...

– Она в сталинские времена несчастливо вошла в литературу: сочинила несколько стихотворений в честь советской власти, и за это потом ей было стыдно, а она была очень гордой, не хотела признавать, что виновата, поэтому она отошла от всего, никогда не включалась в дискуссии. Конечно, она была уже потом против, но никогда активно не участвовала в оппозиции. Но этот позор... Ну, вы знаете, например, есть в Польше такая независимая академия PAU²² – ее не приняли

²² *Польская академия знаний* {пол. Polska Akademia Umiejętności, до 1919 г. – Академия знаний) – польская научная организация, обладающая статусом научного общества.

за эти позорные стихотворения. Сказали: если кто-то хоть раз сочинил такие вещи, он недостоин. Хотя у нее уже была Нобелевская премия.

– Это Литературная академия?

– Академия Umiejętności. Это с XIX века существовала такая академия для выдающихся ученых и артистов. Ее название можно перевести, как «способности» или, точнее, как «если что-то знаю, что делать», это такая мысль.

– Знания и умения?

– Да, знания и умения. Очень престижная академия, сейчас очень богатая, потому что ей вернули ее имущество – она получала много даров еще в XIX веке, это было в Кракове. И она до сих пор там есть, кажется, я тоже ее член, меня где-то лет двадцать тому назад призвали, и участвую в ее деятельности.

– Но потом Шимборская все-таки стала властительницей дум, умов, авторитетом?

– Да. Авторитетом, но не до конца. Авторитетом в поэзии, но она – это больше красота, нас же увлекала ее ирония, юмор. А нас всегда разочаровывало то, что она постоянно говорила о своей неуверенности. Надо же быть в чем-то уверенным, нельзя все время сомневаться.

С временным президентом Италии в 1978 г. Аминторе Фанфани, 1982 г.

– А Милош был противоположностью, наоборот он...

– Он был очень уверен, да. Конечно, он был прежде всего

метафизическим поэтом, у него были интересные, глубокие религиозные темы, он очень часто жестко высказывался и против костела как такового, но религия была в центре его поэзии и метафизика. И вечная жизнь – это была его великая проблема.

– Но и иезуистика его была очень важна...

– Да, конечно. Ну, а у Шимборской это как клавесин, знаете, это такая деликатная, тонкая игра. Если Милош играл на рояле, то она на клавесине.

– Милош – рояль, она – клавесин?

– Да, я бы так сказал.

Культура в 80-е, 90-е годы

– Мы затронули польскую литературу, которая существовала тогда. Государство каким-то образом помогало всей культуре – в пропагандистских целях, каких угодно, но содержало культуру. А что произошло в 90-е годы?

– Содержало, конечно. Мне кажется, что все государства поддерживают культуру, при любом строе. Франция поддерживает, Дания, даже Великобритания. При социализме это было совсем по-другому.

В Великобритании огромные деньги идут на культуру через государственную лотерею. В Америке это проходит по-иному, особенно через частные организации. Но высокая культура без поддержки не может существовать. Я думаю, что самое главное – это то, что во времена коммунизма не было такой конкуренции, потому что не допускали многие произведения культуры из-за границы. Конечно, были исключения, но не много. А сейчас появилась огромная конкуренция. Знаете, во времена коммунизма общество было очень вертикальным, оно напоминало феодальное – наша

система была больше похожа на феодализм, чем на капитализм. А в 90-е годы произошли перемены и массы получили вес, раньше этого не было, а при рынке они имеют огромное значение. И это была важная перемена. А деньгами у нас государство всегда поддерживало культуру, даже в тяжелые годы.

– А это повлияло в худшую сторону на состояние культуры?

– Можно сказать, что в худшую, потому что в новые времена культура должна быть другой. И она такая и есть. Я думаю, что то, что повлияло на культуру, это, вероятно, то, что мы живем в таком мирном обществе. Всемирные угрозы и драматизм жизни в Польше не так чувствуют, как надо чувствовать. Вспомним, что Папа Иоанн Павел II все время повторял, что жизнь имеет свой драматический аспект, а общество потребления представляет ее как веселую прогулку. И в этом огромная разница, ведь роль культуры совсем другая: она – часть развлечения, а не настоящая пища. Это пришло из Америки. А остальные аспекты не так важны. Всегда деньги на культуру выделяло государство, и это в Европе просто само собой разумеется: раньше выделял король, епископ, князь, а потом, когда их имущество перешло к государству, – государство должно это делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.